

DOI: 10.17976/jpps/2018.05.10

ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМИ РОССИЯНАМИ РОССИИ ВРЕМЕН Л.И. БРЕЖНЕВА, Б.Н. ЕЛЬЦИНА И В.В. ПУТИНА Ю.В. Латов

ЛАТОВ Юрий Валерьевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова; главный научный сотрудник, Академия управления МВД России, Москва. Для связи с автором: latov@mail.ru

Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина. — Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 116-133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.10>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2018. Принята к печати: 20.06.2018

Аннотация. Для изучения исторической памяти россиян в ходе общероссийского опроса в октябре 2017 г. респондентам было предложено сравнить по разным параметрам СССР при Л.И. Брежневе, постсоветскую Россию времен Б.Н. Ельцина и современную Россию. Анализ данных опроса показал, что образ недавнего прошлого строится в общественном сознании по модели крутого виража – перехода от “отличной” жизни в брежневском СССР к “плохой” в ельцинской России и к “удовлетворительной” в современной России. Такой образ во многих аспектах парадоксален: он карикатурно гиперболизирует тенденции, создавая “белую легенду” о брежневском СССР и “черную легенду” о ельцинской России. Автор формулирует несколько подходов к объяснению выявленных парадоксов исторической памяти россиян. На основе данных об имущественно-возрастной дифференциации оценок тех эпох наиболее корректной представляется концепция, согласно которой в мифологизации прошлого проявляются протестные настроения наиболее депривированных социальных групп (пожилых и бедных). В то же время на складывание модели крутого виража могли оказать сильное влияние проправительственная историческая политика и когнитивный эффект асимметрии восприятия выгод и потерь.

Ключевые слова: историческая память; мифологизация прошлого; социальная дифференциация; историческая политика; ограниченная рациональность.

“...И ПРОШЛОЕ ТОЛПИТСЯ ЗА ПЛЕЧАМИ”

В литературе часто можно встретить мнение, что для россиян характерно преувеличенное внимание к прошлому (к “заветам предков”) и к будущему (ожидаемо “светлому”), в то время как настоящее ценится гораздо слабее – как “миг между прошлым и будущим”. Не углубляясь в дискуссию, насколько сильно в данном аспекте мы отличаемся от других наций, следует согласиться, что “исторический опыт” действительно играет в системе культурных ценностей россиян важную роль. Со времен А. Герцена есть немало примеров, когда тектонические социально-политические сдвиги начинались в России с переосмысления национальной истории. Подобные виражи национальной исторической памяти, когда качественным изменениям в современной жизни обязательно предшествует переосмысление исторического опыта, регулярно заставляют вспоминать афоризм о России как стране с непредсказуемым прошлым.

Вопросы формирования и изменения образа прошлого в национальной ментальности в последнее десятилетие в России активно обсуждаются прежде всего в связи с проблематикой исторической политики (политики памяти). Речь идет о сознательном конструировании элитными группами в общественном сознании такого образа прошлого, который лучше, по мнению элит, соответствует потребностям современного этапа развития общества. На такой подход к пониманию истории (ассоциируемый, в частности, с именем нынешнего министра культуры РФ В.Р. Мединского, автора серии книг о “вредных” исторических мифах) профессиональное сообщество реагирует в целом отрицательно, рассматривая политизацию истории как возрождение советской “традиции” делать историю “политикой, опрокинутой в прошлое”¹. Хотя академическое обществоведение такой подход почти всегда осуждало (если не фактически, то формально), само это явление широко распространилось во многих странах², поскольку оно удовлетворяет конкретный социальный запрос. “Историческая политика” обусловлена тем, что историческая память для многих наций действительно является одной из главных “духовных скреп”, объединяющих граждан в нацию (как в песне советских времен: “Наша память — как точка опоры, на которой и держится свет”). Поэтому политические силы и политически ангажированные обществоведы не могут не заботиться об этих “скрепах”, влияющих на национальное единство.

Следует согласиться с исследователями отношения россиян к национальной истории (см., например [Юдин и др. 2017; Малинова 2017; Бараш 2017; Горшков, Петухов 2018]), что современная память о прошлом у обычных россиян (необществоведов) основывается отнюдь не только на знаниях ими научных и научно-популярных работ, на личном опыте и на семейной истории. Она становится также результатом явного или подспудного пропагандистского воздействия со стороны разных — во многом полярных³ — политических сил (“войн памяти”⁴).

О каком, насколько отдаленном прошлом идет речь?

Национальная историческая память чаще всего построена по принципу обратной зависимости между важностью конкретного факта (явления) и его отдаленностью во времени, поэтому на постсоветском пространстве “войны памяти” идут преимущественно вокруг событий XX в. Если в 1980-1990-х годах дискуссии шли в основном вокруг событий времен И.В. Сталина, то в последние 10-15 лет постепенно актуализируется обсуждение именно последних лет существования СССР, когда формировался институциональный фундамент постсоветской России (см. например [Кертман 2007]).

Отношение к этим относительно недавним событиям во многих аспектах носит двойственный характер. Это противоречивое отношение к недавнему

¹ Данный афоризм прозвучал на одной из научных конференций советских обществоведов-марксистов 90 лет назад, в марте 1928 г. М.Н. Покровский, считающийся автором этого афоризма, по существу переиначил высказывание “история есть политика прошлого, а политика — история настоящего”, которое приписывают британским историкам конца XIX в.

² Сам термин “историческая политика”, как указывается в литературе, пришел из ФРГ, где о *Geschichtspolitik* начали активно говорить в 1980-х годах, подразумевая “интерпретацию истории, избранную по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации” [Миллер 2009: 8].

³ О конкуренции разных политических акторов в связи с интерпретаций событий 1917 г. см. [Малинова 2018a; 2018b].

⁴ Данное понятие родилось примерно 15 лет назад и первоначально использовалось для описания исторической политики у “соседей” России (см. например [Шнирельман 2003]).

прошлому заметно даже по официальным выступлениям президента России В.В. Путина, который, с одной стороны, заявлял, что “мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно”⁵, но, с другой стороны, назвал распад СССР “крупнейшей геополитической катастрофой века”⁶ и открыто признался, что ему “до сих пор нравятся идеи коммунистические, социалистические”⁷.

Характеризуют ли эти противоречия сознание самой российской элиты, которая “строила” то коммунизм, то капитализм, то “священную нашу державу”? Или же элита во многом транслирует противоречия, типичные для сознания россиян в целом?

ТРИ ЭПОХИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В историческом пространстве 1970-2010-х годов довольно четко выделяются три разнокачественные эпохи – времена Л. Брежнева (с которыми сливаются периоды кратковременного правления Ю. Андропова и К. Черненко), времена Б. Ельцина и времена В. Путина (включая период президентства Д. Медведева). Эти три периода четко различаются по своей идеологической доминанте: взрослые россияне последовательно пережили господство идей коммунизма, либерализма и национального державничества. Какую же память о себе оставили эти три периода в общественном сознании?

Для определения исторической памяти современных россиян в отношении недавнего прошлого в ходе общероссийского опроса в октябре 2017 г. респондентам⁸ было предложено сравнить по самым разным параметрам СССР при Л.И. Брежневе, постсоветскую Россию времен Б.Н. Ельцина и современную (т.е. времен В.В. Путина) Россию. Результаты сопоставления этих трех эпох (брежневской, ельцинской и путинской) оказались во многом парадоксальными⁹.

Чтобы при помощи количественных показателей оценить, каковы представления россиян о недавней национальной истории, воспользуемся следующим приемом. Респондентам было предложено оценить три периода развития своей страны при помощи 27 характеристик (“наличие идеалов”, “доверие между людьми” и т.д.), выбирая типичные для каждого периода. Обобщая результаты опроса, выделим сначала те характеристики, которые считаются россиянами наиболее типичными (их называли более 50% респондентов) для каждого из этих периодов, а потом те, которые, наоборот, считаются для них нетипичными (их называют не более 10%). После этого посмотрим, какие из них позитивные, а какие – негативные (см. табл. 1).

⁵ Выступление Владимира Путина на заседании клуба “Валдай”. – *Российская газета*. 19 сентября 2013 г. Доступ: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (проверено 14.07.2018).

⁶ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – *Президент России. Официальный сайт*. 25 апреля 2005 г. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (проверено 14.07.2018).

⁷ Путин: мне до сих пор нравятся коммунистические идеи. – *РИА Новости*. 25 января 2016 г. Доступ: <https://ria.ru/politics/20160125/13649894> (проверено 14.07.2018).

⁸ В статье использованы данные всероссийского мониторинга “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах” (седьмая волна), проведенного в октябре 2017 г. Институтом социологии РАН. Опрос охватил 2 605 работающих респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения.

⁹ Впрочем, некоторые из выявленных парадоксов национальной исторической памяти отмечались еще в работах рубежа 2000-2010-х годов, когда окончательно сформировалось представление о “путинской эпохе” как об очередном крупном этапе национальной истории (см. например [Аникина, Хруль 2010; Дубин 2011]).

Таблица 1 (Table 1)

Представления россиян о характеристиках, присущих разным историческим периодам развития страны, %
 (характеристики проранжированы по оценкам “СССР при Л. Брежнев”)
Russians' Understanding of Characteristics Intrinsic to Various Periods of Country's History, per cent
 (ranked according to the estimates of “USSR under Brezhnev”)

Характеристики общественного строя	СССР при Л. Брежнев	Россия времен Б. Ельцина	Современная Россия
Очень частые характеристики советского строя (выбрали 50% респондентов и более)			
Наличие идеалов	69	10	20
Доверие между людьми	69	7	22
Дисциплина, порядок	66	8	23
Мощная промышленность	63	7	28
Социальная защищенность	62	9	27
Успехи в образовании	61	8	30
Жизнерадостность	58	9	31
Любовь к Отечеству	57	8	34
Успехи в искусстве	55	8	35
Чувство гордости	52	8	39
Успехи в науке и технике	50	8	41
Нередкие характеристики советского строя (выбрали в 2017 г. от 25 до 49% респондентов)			
Авторитет в мире	48	8	43
Возможности профессионального роста и карьеры	38	11	50
Быстрое экономическое развитие	38	13	46
Редкие характеристики советского строя (выбрали в 2017 г. от 10 до 25% респондентов)			
Бюрократия	23	34	42
Страх	15	65	20
Бездуховность	12	54	33
Гражданские и политические свободы	12	29	57
Тяжелое экономическое положение	11	68	20
Уважение Православной церкви	10	19	70
Очень редкие характеристики советского строя (выбрали в 2017 г. менее чем 10% респондентов)			
Возможность стать богатым человеком	8	40	51
Межнациональные конфликты	8	57	35
Социальная несправедливость	7	53	39
Неуверенность в своем будущем	6	60	34
Преступность, бандитизм	5	77	18
Коррупция, взятки	5	44	50
Кризис	4	44	51

Примечание. Полужирным выделены ячейки, где показатель превышает 50%. Курсивом обозначены позитивные характеристики.

Среди типичных характеристик брежневского периода нет ни одной негативной, зато среди типичных характеристик ельцинского периода, наоборот, нет ни одной позитивной¹⁰. Для наглядности построим матрицу (см. табл. 2), которая показывает распределение 27 оценочных характеристик для интересующих нас трех исторических периодов.

Таблица 2 (Table 2)

**Количество положительных и отрицательных характеристик развития страны
в разные исторические периоды, %**
*Number of Positive and Negative Characteristics of Country's Development
in Different Historical Periods, per cent*

Характеристики общественного строя	СССР при Л. Брежневе	Россия времен Б. Ельцина	Современная Россия
Частые характеристики (выбрали не менее чем 50% респондентов)			
Положительные	11	0	4
Отрицательные	0	7	2
Нечастые характеристики (выбрали менее чем 50% респондентов)			
Положительные	6	17	13
Отрицательные	10	3	8

Мы видим, что у современных россиян *со временами Л. Брежнева ассоциируются исключительно позитивные характеристики жизни общества*. Среди наиболее частых характеристик советского строя при Л. Брежневе, которые отмечались не менее чем половиной респондентов, все 11 – ярко положительные: “наличие идеалов” (69%), “доверие между людьми” (69%)¹¹, “дисциплина” (66%), “мощная промышленность” (63%) и т.д. Напротив, среди нечасто отмечаемых характеристик СССР при Л. Брежневе большинство (10 из 16) – характеристики явно негативные: “кризис” (4%), “коррупция” (5%), “преступность” (5%), “неуверенность в будущем” (6%) и т.п. Есть, правда, три существенных исключения – это “наличие гражданских и политических свобод” (12%), “уважение Православной церкви” (10%) и “возможность стать богатым человеком” (8%). Все это – положительные характеристики, но в брежневском СССР, по мнению большинства опрошенных, их не наблюдалось.

В сравнении с временами Л. Брежнева более поздние периоды недавней истории – как Россия при Б. Ельцина, так и современная Россия – выглядят для россиян гораздо менее привлекательно.

Для периода президентства Б. Ельцина россияне считают наиболее типичными семь характеристик, и все они ярко негативны – это “преступность” (77%), “тяжелое экономическое положение” (68%), “страх” (65%) и др. Все

¹⁰ Необходима оговорка, что одно и то же явление у людей с разными идеологическими предпочтениями может вызывать разные оценки. В частности, типичные для советских времен “дисциплина, порядок” могут трактоваться людьми с либеральным мировоззрением как бюрократическая зарегулированность, а “наличие идеалов” – как принудительная идеологизация.

¹¹ Здесь и далее по тексту указываются проценты респондентов, отметивших типичность определенной характеристики для конкретного исторического периода. Эти показатели можно интерпретировать и как оценки типичности таких характеристик для конкретных периодов.

положительные характеристики, которые считались типичными для СССР (“наличие идеалов”, “доверие между людьми”, “дисциплина” и т.д.), для времен Б. Ельцина, напротив, стали совершенно нетипичными — их отмечали не более 10% респондентов. Можно сделать вывод, что *с президентством Ельцина у современных россиян возникают однозначно негативные ассоциации*. Интересно отметить, что по тем позитивным характеристикам, которые отмечались как малотипичные для времен Брежнева (политические свободы, уважение церкви, возможность разбогатеть), при Б. Ельцине ситуация, согласно опросу, стала заметно лучше (процентные показатели выросли в разы), но при этом ни по одному из них не достигнут 50-процентный уровень. Иначе говоря, в ельцинской России наблюдались, по мнению современных россиян, все-таки не только большие провалы, но и некоторые положительные сдвиги.

Современная (путинская) Россия ожидаемо воспринимается россиянами как положительная альтернатива ельцинской эпохе. Среди типичных, по мнению респондентов, для современной эпохи явлений снова возникают положительные характеристики — это “уважение церкви” (70%), “гражданские и политические свободы” (57%), “возможность стать богатым” (51%) и “возможности профессионального роста и карьеры” (50%). В то же время из типичных для современного периода шести характеристик две (“кризис” — 51%, “коррупция” — 50%) — откровенно негативные, причем их считают более типичными для современности даже по сравнению с “плохими” ельцинскими временами (для того периода их типичность отмечали по 44% россиян).

Таким образом, *современная (путинская) Россия рассматривается общественным мнением в целом как частичное преодоление того “плохого”, чем отличались 1990-е годы*. В то же время следует обратить внимание, что, согласно исторической памяти россиян, во вроде бы благополучную путинскую эпоху удалось отнюдь не “возродить Россию” (оценкам путинской эпохи очень далеко до оценок брежневских времен), а скорее “отыграть” часть потерянного. В частности, различия “плохих” 1990-х и “хороших” 2000-х годов по таким показателям, как “доверие”, “наличие идеалов”, “социальная защищенность”, “жизнерадостность”, не столь велики, как их отличия от “отличной” эпохи позднего СССР.

Перейдем от анализа отдельных характеристик трех недавних исторических эпох к пониманию их комплексного образа.

ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ: “ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ” И “ШАГ НАЗАД”

Чтобы получить приблизительные интегральные оценки того, как в национальной исторической памяти россиян отпечатались эти три исторические периода, воспользуемся следующим методическим приемом: каждому проценту респондентов, отмечающих типичность для данного периода какой-либо позитивной характеристики, присвоим +1 балл, а каждый процент респондентов, считающих типичной для этого периода какую-либо негативную характеристику, будет интерпретироваться как (-1) балл¹². При такой системе оценок и используемых в анкете 27 характеристиках анализируемый политический режим может получить интегральные оценки

¹² Данная система интегральной оценки во многом условна, поскольку предполагает одинаковую по модулю ценность всех характеристик и исчерпывающую полноту их набора. Тем не менее, ее можно использовать для качественных выводов.

в интервале от 1 700 (если респонденты отмечают только 17 положительных характеристик, считая их типичными на 100%) до (-1000) баллов (если респонденты отмечают только отрицательные характеристики и тоже считают их стопроцентно типичными).

Если рассчитать по такой методике суммарные баллы для трех исторических периодов, то получается, что современные россияне оценивают СССР при Брежневе в +720 баллов, Россию при Ельцине – в -345 баллов, а современную Россию – в +305 баллов. Это значит, что *современная Россия*, согласно представлениям россиян, *смогла восстановить значительную долю тех советских достижений*, которые были потеряны при Ельцине, но при этом *оценка современной России остается существенно ниже оценки советских времен*.

Несколько утрируя, можно сказать, что образ СССР при Л. Брежневе по большинству показателей имеет черты едва ли не “потерянного рая”¹³. Этому образу существенно уступает не только ярко негативный образ России времен Б. Ельцина¹⁴, но и умеренно-позитивный образ современной России.

Сопоставим теперь “народную” память о последнем сорокалети отечественной истории с отражением этого периода в научном общественедении, которое можно рассматривать как наиболее объективный “портрет” прошлого.

Может показаться методологически сомнительным сопоставлять выявленные опросом установки общественного мнения с объективным научным знанием. Действительно, та научная информация, которая органично вошла в общественное сознание, всегда ниже современного уровня науки: общественное сознание постоянно “подтягивается” к убегающему вперед научному знанию, но не “дотягивается” до него. Тем не менее такое сопоставление представляется важным инструментом анализа общественного сознания. Ведь если в “народе” пользуются широкой популярностью такие суждения и оценки, которые академическая наука решительно отвергает, то это симптом серьезной “болезни” коллективной ментальности¹⁵.

Для понимания преобладающей среди российских обществоведов тенденции в освещении трех исследуемых эпох можно опираться на научные издания, где специально проводится сопоставление советского и постсоветского развития (см. например [Экономические субъекты постсоветской России... 2001; Заславская 2007; Двадцать лет реформ... 2011; Нова ли новая Россия? 2016; Нуреев, Латов 2017; Травин, Гельман, Заостровцев 2017]). Конечно, трудно доказать, что эти (или какие-либо иные) издания отражают медианные научные оценки, однако в самом первом приближении это допустимо как отражение экспертного мнения российских обществоведов.

¹³ Это опровергает высказанное десять лет назад предположение, что “несколько сусальный образ брежневской эпохи, бытующий сегодня в массовом сознании, будет постепенно тускнеть” [Кертман 2007]. Скорее можно говорить об усилении “сусальности” этого образа за последнее десятилетие.

¹⁴ Устойчивость негативных оценок россиянами времен Ельцина – более негативных, чем оценок времен Брежнева, – подтверждают и исследования “Левада-Центра”. См., например: Эпохи в жизни страны: Ельцин, Горбачев, Брежнев. – *Левада-Центр*. 25.01.2011. Доступ: <https://www.levada.ru/2011/01/25/epohi-v-zhizni-strany-eltsin-gorbachev-brezhnev> (проверено 08.07.2018); Отношение россиян к Борису Ельцину остается негативным. – *Левада-Центр*. 1.02.2016. Доступ: <https://www.levada.ru/2016/02/01/otnoshenie-rossiyan-k-borisu-eltsinu-ostaetsya-negativnym> (проверено 08.07.2018).

¹⁵ В отличие от оценок “народной” памяти оценить тенденции научной “картины мира” пока можно лишь на качественном уровне, дав авторскую экспертную оценку ее современному состоянию.

По поводу президентства Б.Н. Ельцина среди отечественных обществоведов преобладает умеренно-критическое отношение. Ученые признают неизбежность и объективную полезность проведенных при нем либеральных реформ (приватизации, многопартийности и т.д.), но их конкретное воплощение оценивают в лучшем случае удовлетворительное — проведенное с пренебрежением к проблемам социальной справедливости, приведшее к созданию коррумпированной и малодинамичной социально-экономической системы.

Соглашаясь, таким образом, в основном с общественным мнением по поводу критического восприятия России времен Б. Ельцина, обществоведы существенно расходятся с ним в оценках времен Л. Брежнева и современного (путинского) периода.

У ученых доминирует гораздо более критическое отношение к брежневскому СССР, который рассматривается отнюдь не как “потерянный рай”, а скорее как общество, зашедшее в тупик и постепенно терпящее поражение в глобальной конкуренции¹⁶. Хотя клише “период застоя” часто используют с оговорками (застой был не во всех сферах жизни и на протяжении не всего брежневского периода), но само его использование, как правило, признается корректно характеризующим главную тенденцию развития позднего СССР, поэтому термин “период застоя” давно и активно используется в научной литературе.

Восприятие современной (путинской) России у обществоведов еще более противоречивое, но тоже, как правило, с существенной долей критики. С одной стороны, признается экономический рост 2000-х, сменивший спад 1990-х, и повышение геополитической значимости РФ в 2000-2010-е годы. С другой стороны, акцентируется внимание на сохранении (и даже усилении) зависимости от импорта энергоресурсов, на дестимулирование бизнеса из-за институциональной коррупции, на фактическое свертывание многопартийности и на весьма неоднозначную результативность курса на “державность”.

Рассмотрим некоторые наиболее парадоксальные особенности восприятия россиянами тенденций недавнего прошлого — на те моменты, которые наиболее сильно отличаются от научной “картины мира”.

Одна из странностей связана с оценками “успехов в образовании”, которые считаются весьма типичными (61%) для советских времен, очень мало типичными (лишь 8%) для времен Ельцина и не слишком типичными (30%) для современной России. Понятие “успехи в образовании” трудно верифицировать, однако несомненно то, что вузовское образование стало массовым именно в 1990-е годы. Популярно, правда, мнение, что платой за массовость стало снижение качества образования, но и здесь трудно выносить однозначные оценочные суждения (скажем, систему постсоветского социологического образования сравнивать с предшествующей невозможно — в СССР социологического образования просто не было). Не являются ли в таком случае высокие “успехи в образовании” брежневских времен если не мифом, то, по крайней мере, преувеличением?

¹⁶ Симптоматично название книги известного историка А.В. Шубина о периоде застоя — “Золотая осень” [Шубин 2008]. Вполне позитивная интерпретация (переходящая в апологетику) брежневской эпохи встречается лишь у некоторых публицистов (например, С. Семанова, А. Буровского, Д. Чуракова) за рамками научного дискурса. Характерно, что ведущие левые публицисты (такие как С. Кара-Мурза, С. Кремлев, Ю. Мухин), защитники советского строя, склонны искать идеал скорее во временах И. Сталина и Н. Хрущева, чем в брежневском “застое”.

Еще более странно выглядят оценки типичности для трех эпох “гражданских и политических свобод”. Можно согласиться, что для брежневских времен эти свободы были нетипичны (12%) и что во времена Б. Ельцина этих свобод стало больше (29%), но все же доступ к ним оставался сильно ограниченным. Однако когда 57% респондентов отмечают типичность гражданских и политических свобод для современной России, то многим обществоведам такая оценка покажется завышенной. Если среди обществоведов популярно мнение о частичном свертывании демократических свобод при существующем политическом режиме, то обычные россияне считают наоборот.

Наиболее парадоксально выглядят оценки россиянами распространенности коррупции и взяток. Обществоведы согласны с “народом” (точнее, с 50% респондентов), что для современной России коррупция – распространенное явление. Не вызовет у них возражения и относительно высокая (44%) распространенность мнения о типичности коррупции для времен Ельцина. Но можно ли согласиться с тем, что во времена Брежнева коррупция была на порядок слабее (ее типичность для того времени отметили только 5%)? Кстати, оценки типичности бюрократизма (23% для времен Брежнева, 34% для времен Ельцина и 42% для современности) кажутся гораздо более реалистичными и противоречащими представлению о ничтожно малой распространенности коррупции в СССР.

Отмеченные парадоксы восприятия – далеко не единственные. Самое большое сомнение возникает по поводу оценки современной России как “шага назад” в сравнении со временами Брежнева. Обвинения в адрес советского режима, едва ли не общепринятые в 1980-х годах (медленный экономический рост, номенклатурная коррупция, социальная несправедливость), в современной России практически забыты. Если бы, предположим, в 1980 г. советским людям сообщили, что они будут жить в личных квартирах, что в магазинах исчезнет дефицит, что у большинства будет возможность хотя бы раз в несколько лет ездить на отдых за границу, что даже у детей будут карманные телефоны... – то это было бы воспринято как очередное (в духе Н. Хрущева) обещание “коммунизма”. Между тем все это стало обыденной реальностью. Однако, как видно из данных опроса, россияне убеждены, что современная Россия в целом не лучше, а заметно хуже брежневского СССР.

Приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод, что *историческая память россиян отражает недавнее прошлое с существенными искажениями*. Главная тенденция этих искажений – это похожая на карикатуру *гиперболизация как недостатков времен правления Ельцина, так и достижений советских времен*. На этом фоне некоторое преувеличение достижений России в XXI в. даже не играет особой роли, поскольку на контрасте с “ужасными” 1990-ми годами они не могут не выглядеть выигрышно.

ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Чем можно объяснить отмеченные искажения исторической памяти? Представляется, что здесь действуют две группы факторов. Одна, самая очевидная, – экзогенная, связанная с ранее упомянутой “исторической политикой”. Но есть и другая – эндогенная, детерминированная объективными тенденциями развития общественного сознания, связанными с социальной поляризацией общества и с ограниченной рациональностью мышления людей.

За последние 20 лет в официальном дискурсе произошел сдвиг от признания за событиями рубежа 1980-1990-х годов в основном положительного значения в реформировании России до преобладания критических оценок этого периода. Такой сдвиг можно отчасти объяснить традиционной для нашей страны критикой “ошибок” предшествующего “правления” (Хрущевым – Сталина, Брежневым – Хрущева, Горбачевым – Брежнева, Ельциным – Горбачева...). В то же время “демонизация” ельцинского периода связана и с трансформацией идеологической ориентации российского политического режима – с постепенным сдвигом от прагматизма начала 2000-х к “российскому державничеству” конца 2010-х годов. Поэтому критики существующего политического режима объясняют сложившийся в общественном сознании контраст трех исторических периодов (“отличного” советского времени, “плохого” времени Б. Ельцина и “хорошей” современности) в первую очередь информационным давлением со стороны проправительственных СМИ и проправительственных обществоведов-популяризаторов.

Следует, однако, учитывать, что если “черная легенда” о либеральном режиме 1990-х годов соответствует конъюнктурным потребностям современной власти, то “белая легенда” о брежневских временах носит весьма двойственный характер. Она объективно является формой критики не только либералов-разрушителей, но и вообще всех постсоветских “правил игры”. Ведь если 40 лет назад все было в целом лучше, чем сейчас, то современные политики оказываются не столько новаторами, сколько не слишком последовательными эпигонами-реставраторами. Самое главное – прославление СССР автоматически означает благожелательное отношение к левым идеям, которые не могут не быть оппозиционными по отношению к современному политическому режиму.

125

На гиперпозитивное, близкое к утопии, восприятие советского прошлого настраивает прежде всего априори положительное восприятие времен своей молодости теми респондентами старших возрастов (старше 40-45 лет), которые застали времена Л.И. Брежнева хотя бы в школьном возрасте. Им трудно отделить, вспоминая былые годы, ту “жизнерадостность”, которая была детерминирована советским строем, от той, которая присуща большинству молодежи при любом общественном строе.

У более юных респондентов, у которых нет личных воспоминаний о жизни в СССР, нередко проявляется другой подсознательный стереотип – “хорошо там, где нас нет”. Мифологизация того, где “нас нет”, вообще типична для представителей всех тех социальных групп, которым “нехорошо” в своей стране в настоящее время. Неслучайно историки рассматривают утопии от древности до нового времени в первую очередь как формы протестного сознания. “Утопизация” прошлого особенно активизируется у депривированных социальных групп, если существует сильное противоречие между желаемым и реальным, причем прославление вызывающих сомнение успехов настоящего строится на контрасте с осуждаемым прошлым. Как в позднем СССР интерес к имперской России был формой протеста против фальши советского официоза, точно так и в современной России интерес к СССР как к “потерянному раю” сильнее в тех слоях, которые менее довольны своей нынешней жизнью.

Есть также и другой эндогенный фактор, искажающий в общественном сознании понимание траектории национального развития за последние 30–40 лет. Речь идет об ограничениях рациональности, связанной с особенностями человеческого мышления как такового.

Вопросами (не)рациональности суждений и поведения людей в последние десятилетия активно занимались экономисты-психологи, приверженцы “поведенческой экономики” (*Behavioral Economics*). Одна из “находок” поведенческой экономики — открытие А. Тверски и Д. Канеманом асимметрии в восприятии полезности приобретений и потерь [Kahneman, Tversky 1979]. Это иллюстрируют условным примером, согласно которому основная масса людей придает гораздо большее значение потере в 80 долл., чем доходу в 100 долл., поэтому когда человек сначала теряет 80, а затем получает 100, то он парадоксально воспринимает это не как чистый выигрыш в 20, а как абсолютную утрату.

Принцип асимметрии восприятия приобретений и потерь прекрасно объясняет, почему современные россияне дают брежневскому СССР гораздо более высокие оценки, чем современной России. Действительно, нет сомнений, что в ельцинские 1990-е годы россияне в сравнении с брежневскими 1970-ми больше теряли — не только в доходах, но и в безопасности, в понимании “смысла жизни”. Также нет сомнений, что в 2000–2010-е годы россияне в целом выиграли: доходы выросли, терроризм подавлен, преступность снизилась, в качестве национальной идеологии предложено “державничество”. Однако выгоды при В.В. Путине из-за когнитивно обусловленной асимметрии восприятия полезности не перекрывают в сознании людей потери при Б.Н. Ельцине, хотя с точки зрения советских стандартов брежневского времени большинство современных россиян живет, можно сказать, при самом настоящем коммунизме.

Попробуем эмпирически проверить предложенные объяснения “виражей” исторической памяти россиян.

Рассмотрим для этого дифференциацию образов прошлого у разных социальных групп современного российского общества — у россиян разного возраста и различного достатка. В табл. 3 выборочно приведены такие данные по восьми из 27 характеристик, по которым оценивали три исторические эпохи.

По многим характеристикам заметно, что образ брежневского периода гораздо более позитивен у людей старших возрастов и с плохим материальным положением. В качестве ярких примеров данной зависимости следует привести такие характеристики, как “жизнерадостность”, “доверие между людьми”, “возможности профессионального роста и карьеры”, “авторитет в мире”, “чувство гордости”. Во всех перечисленных примерах отношение к СССР при Брежневе заметно (более чем в полтора раза) лучше у респондентов более старших возрастов (контрастно сопоставляются люди 18–30 лет и старше 50 лет) и менее состоятельных (контрастно сопоставляются люди с хорошим и плохим материальным положением). Самый сильный эффект наблюдается по поводу оценок “возможностей профессионального роста и карьеры”. Люди старше 60 лет в 2,6 раза чаще, чем молодежь 18–30 лет, уверены в типичности этих возможностей в СССР, а люди с плохим благосостоянием уверены в этом в 1,7 раза чаще, чем люди с хорошим материальным положением.

Таблица 3 (Table 3)

Представления россиян различных возрастных и имущественных групп о некоторых характеристиках развития страны в разные исторические периоды, %
Understanding of Russians of Different Age and Property Status of Some Characteristics of Country's Development in Various Periods of History, per cent

Характеристики	Все население	Возраст					Материальное положение		
		18-30	31-40	41-50	51-60	> 60	Хорошее	Среднее	Плохое
Жизнерадостность									
СССР при Л. Брежневе	58	36	50	64	77	76	47	56	75
Россия времен Б. Ельцина	9	12	10	9	7	8	12	9	9
Современная Россия	31	49	39	26	16	16	40	34	16
Доверие между людьми									
СССР при Л. Брежневе	69	50	65	76	83	83	60	67	84
Россия времен Б. Ельцина	7	11	9	6	4	6	11	7	5
Современная Россия	22	37	26	18	12	10	28	24	11
Возможности профессионального роста и карьеры									
СССР при Л. Брежневе	38	22	31	40	49	57	32	34	54
Россия времен Б. Ельцина	11	13	12	9	9	9	12	10	12
Современная Россия	50	62	56	49	41	34	55	54	33
Авторитет в мире									
СССР при Л. Брежневе	48	35	43	48	56	62	42	45	63
Россия времен Б. Ельцина	8	12	9	8	4	6	12	8	5
Современная Россия	43	52	47	43	39	31	46	47	31
Чувство гордости									
СССР при Л. Брежневе	52	38	46	55	66	62	39	50	69
Россия времен Б. Ельцина	8	10	9	6	5	6	12	7	6
Современная Россия	39	49	44	36	27	31	48	41	23
Социальная несправедливость									
СССР при Л. Брежневе	7	8	7	6	5	7	8	8	3
Россия времен Б. Ельцина	53	52	54	53	51	54	60	54	41
Современная Россия	39	38	38	40	44	38	31	37	55
Коррупция, взятки									
СССР при Л. Брежневе	5	5	5	7	5	3	6	5	3
Россия времен Б. Ельцина	44	44	47	43	39	45	48	47	32
Современной России	33	32	30	31	39	34	28	31	44
Быстрое экономическое развитие									
СССР при Л. Брежневе	38	30	32	39	48	46	35	36	45
Россия времен Б. Ельцина	13	15	15	14	10	11	13	13	13
Современной России	46	52	51	44	39	40	50	47	37

Примечание. Выделены ячейки, демонстрирующие наиболее сильные контрасты между восприятием СССР и современной России респондентами разных возрастов и различного материального положения: полужирным обозначены группы молодых и более обеспеченных, заливкой – пожилых и менее обеспеченных.

Оценки типичности подобных характеристик для современной России чаще всего зеркальны по отношению к оценкам для СССР при Брежневе. Хорошо видно, что люди молодые и/или с хорошим материальным положением гораздо чаще, чем пожилые и/или с плохим материальным положением, говорят о типичности для современной России позитивных характеристик.

Выявленная закономерность объясняется тем, что в постсоветской России во всех смыслах лучше живут молодые и/или богатые, поэтому они гораздо чаще положительно оценивают постсоветскую историю, особенно путинский период, когда их благосостояние в основном росло (гораздо положительнее, чем ельцинский период, когда благосостояние у многих было низким). У пожилых и/или бедных, естественно, наблюдается диаметрально противоположное отношение к этим эпохам.

Как и при анализе исторической памяти россиян в целом, рассчитаем интегральные балльные оценки по всем 27 характеристикам для наиболее контрастных возрастных и имущественных социальных групп (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Интегральные оценки развития страны в разные исторические периоды представителями разных возрастных и имущественных групп, %
Integral Assessments of Country's Development in Different Historical Periods by Representatives of Different Age and Property Status Groups, per cent

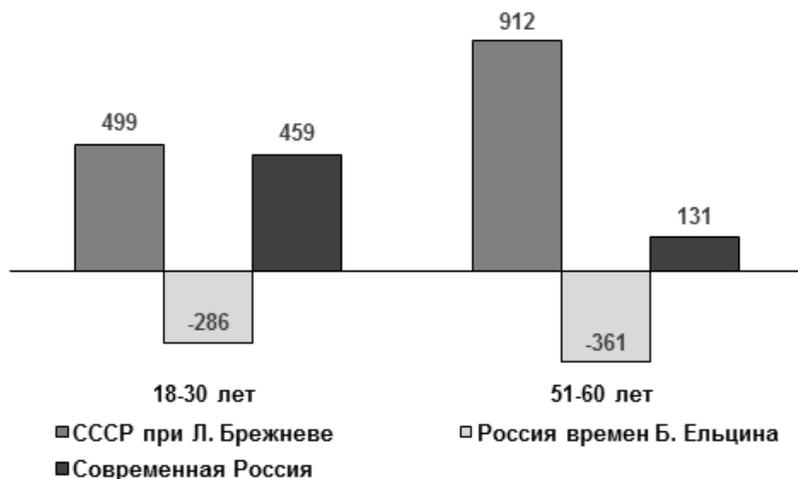
Социальные группы	СССР при Л. Брежневе	Россия времен Б. Ельцина	Современная Россия
Контрастные возрастные группы			
18-30 лет (1)	499	-286	459
51-60 лет (2)	912	-361	131
Контрастные имущественные группы			
Хорошее материальное положение (3)	585	-338	439
Плохое материальное положение (4)	943	-279	19
Население России в целом			
	720	-345	305

На рис. 1 хорошо видно, что контрасты между исторической памятью молодых (18-30 лет) и пожилых (51-60 лет) россиян гораздо сильнее в отношении СССР при Л. Брежневе и современной России, чем России при Б. Ельцине. Ельцинский режим молодые и пожилые россияне оценивают почти одинаково плохо (молодые – лишь примерно на 20% лучше). При этом положительные оценки брежневского режима различаются почти в два раза: в глазах пожилых россиян СССР является, в противоположность неприятной современности, настоящим “потерянным раем”, в то время как молодые люди оценивают этот “рай” гораздо сдержаннее. Положительные оценки путинского режима контрастны у этих возрастных групп еще сильнее – более чем в три раза.

Следует сделать вывод, что для пожилых людей современная Россия гораздо ближе к “плохой” России Ельцина, чем к “отличному” СССР Брежнева, в то время как для молодежи современная Россия по сумме плюсов и минусов практически сравнялась с Советским Союзом. Люди старших возрастов в целом постсоветскую Россию так и не приняли, считая ее даже не “шагом”, а скорее “прыжком назад”. Молодежь воспринимает отечественную историю последнего полувека гораздо оптимистичнее: у нас был “провал”, но его удалось в основном выправить.

Рисунок 1 (Figure 1)

**Интегральные оценки разных периодов истории России
представителями контрастных возрастных групп, 2017 г., %**
*Integral Assessments of Different Periods of the History of Russia
by Representative of Contrast Age Groups, 2017, per cent*

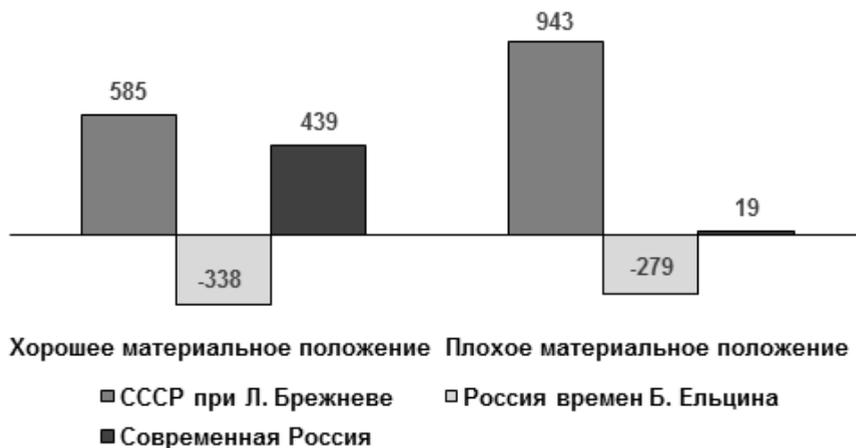

Современные различия в материальном положении тоже оказывают существенное влияние на память о жизни в прошлые десятилетия (см. рис. 2): *чем хуже люди живут сейчас, тем сильнее в их глазах контраст между советским “раем” и всем тем, что было потом.*

129

Рисунок 2 (Figure 2)

**Интегральные оценки разных периодов истории России
представителями контрастных имущественных групп, 2017 г., %**
*Integral Assessments of Russia's Development in Different Historical Periods
by Representatives of Contrast Property Status Groups, 2017, per cent*

Те, кто сейчас живет бедно, воспринимают советскую эпоху крайне идеалистически: 943 балла из 1 700 возможных, т.е. “наполовину рай” (даже более

чем наполовину). Эта “советская утопия” резко выделяется на фоне почти нулевой интегральной оценки современной России. При этом люди, у которых в наши дни хорошее материальное положение, оценивают брежневские времена менее восторженно, понимая, что многие современные возможности высокого заработка в СССР отсутствовали, а отovarить деньги было едва ли не труднее, чем их заработать. Тем не менее и в глазах людей с хорошим материальным положением советская Россия по совокупности характеристик заметно (примерно на треть баллов) превосходит современную.

Мы видим, что сравнительное восприятие последних 40 лет в жизни своей страны похожим образом — по модели *крутого виража* (сначала было отлично или хорошо, потом стало очень плохо, а затем снова стало хорошо или, по крайней мере, удовлетворительно) — наблюдается у россиян разных возрастов и разного достатка. В то же время в рамках этой общей модели есть существенные оттенки: молодые практически не видят разницы между брежневскими и нынешними временами, в то время как для бедных этот контраст очень велик. Эти различия в восприятии недавней истории принципиально не меняют общей картины смены “хороших/отличных” брежневских времен “плохими” ельцинскими, но они *сильно влияют на отношение к современной России*. С точки зрения молодых (в меньшей степени — людей с хорошим материальным положением), России В.В. Путина удалось взять реванш за ельцинский “провал”, а с точки зрения бедных и пожилых — совершенно не удалось¹⁷.

Какие же из ранее предложенных объяснений парадоксов исторической памяти россиян лучше подтверждают выявленную имущественно-возрастную дифференциацию?

130

Роль исторической политики представляется теперь не слишком значимой, ведь молодые люди, еще не выработавшие умение критически относиться к внешним влияниям, должны быть более восприимчивы к пропагандистским убеждениям, будто реформы Ельцина разрушили советский “прекрасный мир”. Однако молодежь, наоборот, демонстрирует более сдержанное отношение к брежневскому СССР, чем пожилые люди. В то же время заметный почти у всех социальных групп (кроме бедных) сильный контраст между негативным восприятием времен Ельцина и позитивным восприятием современной России можно рассматривать как результат определенной информационной политики. Концепция же когнитивной асимметрии в восприятии потерь и приобретений лучше объясняет почти всеобщее (кроме как у молодых людей) убеждение, что современная Россия существенно хуже брежневского СССР.

Лучше всего подтверждается утверждение, что в современной России не критическое отношение к СССР как к “потерянному раю” должно быть сильнее в наименее довольных своей нынешней жизнью социальных слоях. Действительно, именно пожилые и бедные (часто это одни и те же люди) менее всего довольны настоящим, и именно эти “отверженные” чаще всего видят советское прошлое в “розовом свете”.

¹⁷ В связи с этим представляется не совсем верным высказанное десятилетие назад мнение Г. Кертмана, что происходит определенная “деполитизация” ностальгии по эпохе “развитого социализма”, “что она, в отличие от 90-х годов, уже не является фактором делегитимизации действующей власти, но вместе с тем не стала и ее политическим, электоральным ресурсом” [Кертман 2007]. В современных условиях “белая легенда” о временах “развитого социализма” — это обоюдоострое оружие: чаще всего власть использует его для критики либеральной оппозиции, но и левые могут использовать его для критики нынешней власти.

Изучение исторической памяти современных россиян о недавней отечественной истории позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Образ недавнего (за последние 40 лет) прошлого строится в общественном сознании по модели крутого виража – перехода от “отличной” жизни в брежневском СССР к “плохой” в ельцинской России и к “удовлетворительной” в современной (путинской) России.

2. Такой образ во многих аспектах парадоксален: он утрирует (карикатурно гиперболизирует) фактические тенденции, создавая “белую легенду” о брежневском СССР и “черную легенду” о ельцинской России.

3. Есть несколько подходов к объяснению выявленных парадоксов исторической памяти россиян. На основе данных об имущественно-возрастной дифференциации оценок наиболее корректной представляется концепция, согласно которой мифологизация прошлого рассматривается как форма проявления протестных настроений наиболее депривированных социальных групп (пожилых и бедных). При этом на складывание модели крутого виража могли оказать сильное влияние проправительственная историческая политика и когнитивный эффект асимметрии восприятия выгод и потерь.

Аникина М.Е., Хруль В.М. 2010. Воспоминания об “эпохе Брежнева” в опросах общественного мнения и автотекстах массового сознания. – *Медиаскоп*. № 3. С. 9.

Бараш Р. 2017. Отношение россиян к советскому прошлому: постпамять или запрос на будущее? – *Российское общество и вызовы времени*. Кн. 5. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. С. 253-270.

Горшков М.К., Петухов В.В. 2018. Октябрьская революция 1917 г. и ее последствия в восприятии современных россиян. – *Социологические исследования*. № 1. С. 6-18.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. 2011. Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. 328 с.

Дубин Б. 2011. *Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь*. М.: РОССПЭН. 391 с.

Заславская Т.И. 2007. Трансформационный процесс в России. В поисках новой методологии. – Заславская Т.И. *Избранные произведения*: В 3-х томах. Т. 2. М.: Экономика. 591 с.

Кертман Г. 2007. Эпоха Брежнева – в дымке настоящего. – *Социальная реальность*. № 2. С. 5-22. Доступ: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35838> (проверено 14.07.2018).

Малинова О.Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. – *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. № 4 (87). С. 6-22. Доступ: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87).pdf) (проверено 30.06.2018).

Малинова О.Ю. 2018а. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 9-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

Малинова О.Ю. 2018б. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 37-56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

Миллер А. 2009. Россия: власть и история. – *Pro et Contra*. № 3-4. С. 6-23.

Нова ли новая Россия? Перемены в социальной структуре общества и социальном воспроизводстве россиян по материалам опросов 1994-2013 гг. 2016. Под ред. О. Шкаратана, Г. Ястребова. М.: Университетская книга. 400 с.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. 2017. *Экономическая история России. Опыт институционального анализа*. М.: Кнорус. 268 с.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. 2017. *Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 302 с.

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига. 601 с.

Шубин А.В. 2008. *Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг.* М.: Вече. 347 с.

Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). 2001. Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ. 804 с.

Юдин Г.Б., Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Фархатдинов Н.Г., Рожанский М.Я. Васильева Е.Ю. 2017. *Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества*. М. 109 с. Доступ: https://komitetgi.ru/service/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB.pdf (проверено 30.06.2018).

Kahneman D., Tversky A. 1979. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. — *Econometrica*. XLVII. P. 263–292.

DOI: 10.17976/jpps/2018.05.10

PARADOXES OF MEMORY OF THE RECENT PAST: USSR UNDER BREZHNEV, RUSSIA UNDER YELTSIN AND PUTIN IN PERCEPTION OF THE CURRENT GENERATION OF RUSSIANS

Yu. V. Latov^{1,2,3}

¹*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

²*Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia*

³*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russia*

LATOV Yuri Valerievich, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Principal Researcher, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Email: latov@mail.ru

Latov Yu.V. Paradoxes of Memory of the Recent Past: USSR Under Brezhnev, Russia Under Yeltsin and Putin in Perception of the Current Generation of Russians. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 5. P. 116–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.10>

Acknowledgements. The study was supported by Russian Science Foundation, project No. 14-28-00218 in the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science

Received: 07.05.2018. Accepted: 20.06.2018

Abstract. Respondents (during a nationwide survey in October 2017) were asked to compare the Soviet Union under Brezhnev, a post-Soviet Russia of the time of Yeltsin and modern Russia in order to study what Russians think of their country’s recent past. The analysis of the data of this survey showed that the image of the recent past is built in the public consciousness on the model of a steep turn (roller-coaster). Russians believe that over the past 40 years there has been a transition from “excellent” life in the Brezhnev Soviet Union to “bad” in Yeltsin Russia, and then to “satisfactory” in modern Russia. This historical memory is paradoxical in many respects: it caricaturedly hyperbolizes real trends, creating a “white legend” about the Brezhnev Soviet Union and a “black legend” about Yeltsin Russia. The author formulates several approaches to the explanation of revealed paradoxes of historical memory of Russians. On the basis of

the data on property and age differentiation of estimates of those epochs, the most correct seems to be the concept, according to which the mythologization of the past is a form of the test moods of the most deprived social groups (elderly and poor). At the same time, both the pro-government “historical policy” and the cognitive effect of asymmetry in the perception of benefits and losses could have a strong impact on the folding of the steep turn model.

Keywords: historical collective memory; the mythologization of the past; social differentiation; politics of memory; bounded rationality.

References

Anikina M.U., Khrul V.M. Memories about the Brezhnev Era in the Opinion Polls and Auto Texts of Mass Consciousness. — *Mediascope*. 2010. № 3. P. 9. (In Russ.)

Barash R. Otnoshenie rossiyan k sovetskomu proshlomu: postpamyat' ili zapros na budushchee? [The Attitude of Russians to the Soviet past: Post-Memory or a Request for the Future?]. — *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Book 5. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. P. 253-270. (In Russ.)

Dubin B. *Rossiya nulevykh: politicheskaya kul'tura, istoricheskaya pamyat', povsednevnyaya zhizn'* [Russia Zero: Political Culture, Historical Memory, Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 391 p. (In Russ.)

Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov [Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians: the Experience of Long-Term Sociological Measurements]. Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petuhov. Moscow: Ves Mir Publishers. 2011. 328 p. (In Russ.)

Ekonomicheskie sub'ekty postsovetskoi Rossii (institutsional'nyi analiz) [Economic Subjects of Post-Soviet Russia (Institutional Analysis)]. Ed. by R.M. Nureyev. Moscow: MONF. 2001. 804 p. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Petukhov V.V. The October Revolution of 1917 and Its Aftermath in the Public Perception of Modern Russians (Experience in Sociological Measuring). — *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018. No. 1. P. 6-18. (In Russ.)

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. — *Econometrica*. XLVII. 1979. P. 263-292. (In Russ.)

Kertman G. The Era of Brezhnev — in the Haze of the Present. — *Sotsial'naya real'nost'*. 2007. No. 2. P. 5-22. (In Russ.) URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35838> (accessed 14.07.2018).

Malinova O.Yu. Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis. — *Politeia*. 2017. No. 4 (87). P. 6-22. (In Russ.)

Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Analysis of Strategies of the Key Mnemonic Actors. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 9-25 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

Malinova O.Yu. The Commemoration in Russia of the Centenary of the 1917 Revolution(s): Comparative Analysis of Rival Narratives. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 2. P. 37-56 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

Miller A. Russia: Power and History. — *Pro et Contra*. 2009. No 3-4. P. 6-23. (In Russ.)

Nova li novaya Rossiya? Peremeny v sotsial'noi strukture obshchestva i sotsial'nom vosproizvodstve rossiyan po materialam oprosov 1994-2013 gg. [Is There a New Russia? Changes in the Social Structure of Society and the Social Reproduction of the Russians on the Basis of Surveys Conducted in 1994-2013]. Ed. by O. Shkaratan, G. Yastrebov. Moscow: The University Book. 2016. 400 p. (In Russ.)

Nureev R.M., Latov Yu.V. *Экономическая история России. Опыт институционального анализа* [The Economic History of Russia. Experience of Institutional Analysis]. Moscow: Knorus. 2017. 268 p. (In Russ.)

Shnirelman V.A. *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The Memory War: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Academic Book. 2003. 601 p. (In Russ.)

Shubin A.V. *Zolotaya osen', ili Period zastoya. SSSR v 1975-985 gg.* [Golden Autumn, or the Period of Stagnation. USSR in 1975-1985 Years]. Moscow: Veche. 2008. 347 p. (In Russ.)

Travin D., Gelman V., Zaostrovstev A. Rossiiskii put': Idei, Interesy, Instituty, Illyuzii [The Russian Way: Ideas, Interests, Institutes, Illusions]. St. Petersburg: EUSP Press. 2017. 302 p. (In Russ.)

Yudin G.B., Khlevnyuk D.O., Maksimova A.S., Farkhatdinov N.G., Rozhansky M.Ya., Vasileva E.Yu. *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii? Analiticheskiy otchet po sotsiologicheskomu issledovaniyu v ramkakh doklada Vol'nogo istoricheskogo obshchestva* [What Past Does Russia Need in the Future? Analytical Report on Sociological Research as Part of the Report of the Free Historical Society]. Moscow. 2017. 109 p. (In Russ.) URL: https://komitetgi.ru/service/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB.pdf (accessed 14.07.2018).

Zaslavskaya T.I. Transformatsionnyi protsess v Rossii. V poiskakh novoi metodologii [Transformation Process in Russia. In the Claims of the New Methodology]. — Zaslavskaya T.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Economics. 2007. 591 p. (In Russ.)